

Руденко Кристина Владимировна

Б. АКУНИН КАК ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОРРЕЛЯЦИИ "НАЦИОНАЛЬНОЕ VS. ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ"

В данной статье рассматривается сложность и полиаспектность русской языковой личности как отражение ментальности на примере текстов произведений Б. Акунина с целью разграничения "национального VS. интернационального" и проводится сравнительно-сопоставительный анализ способов выражения "интернационального" посредством интертекста на русском и английском языках.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/2-1/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 2(68): в 2-х ч. Ч. 1. С. 134-136. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. Гюльмагомедов А. Г. Лезги чIалан словарь. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2004. I ктаб. 472 ч.
2. Гюльмагомедов А. Г. Лезги чIалан словарь. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2005. II ктаб. 490 ч.
3. Гюльмагомедов А. Г. Фразеология лезгинского языка. Махачкала: Дагучпедгиз, 1990. 100 с.
4. Талибов Б. Б., Гаджиев М. М. Лезгинско-русский словарь. Махачкала: Советская энциклопедия, 1966. 603 с.
5. Эседуллаева Н. Б. Очерки по лексике и фразеологии лезгинского языка. Махачкала: ДГУ, 2000. 96 с.

PARTICLE *ХЪИЗ* (“HOW”) AS AN INDICATOR IN THE LEZGHIN COMPARATIVE CONSTRUCTIONS CHARACTERIZING A HUMAN BEING

Ramazanova Mariyat Kukhmazovna
Makhachkala
 maria200975@yandex.ru

The article examines comparative constructions with an indicator *хъиз* (“how”) which are used in the Lezghin everyday speech to characterize a human being. The author reveals the meanings of the mentioned comparative constructions, and identifies the peculiarities of the comparative particle *хъиз* usage in the Lezghin language. The paper also provides a detailed component analysis of comparative constructions with the particle *хъиз*.

Key words and phrases: comparative construction; particle *хъиз*; comparison; characteristic of human being; expressive means of language.

УДК 8:81–26347.78.034

В данной статье рассматривается сложность и полиаспектность русской языковой личности как отражение ментальности на примере текстов произведений Б. Акунина с целью разграничения «национального VS. интернационального» и проводится сравнительно-сопоставительный анализ способов выражения «интернационального» посредством интертекста на русском и английском языках.

Ключевые слова и фразы: языковая личность; интертекст; адекватность; языковая картина мира; идиостиль; переводческий приём.

Руденко Кристина Владимировна
Пятигорский государственный университет
 hristia@mail.ru

**Б. АКУНИН КАК ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ:
 ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОРРЕЛЯЦИИ «НАЦИОНАЛЬНОЕ VS. ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ»**

Специфика русского художественного текста заключается в многообразии авторских средств для описания и воссоздания картины мира и выражении собственного «Я» автора. Художественный текст характеризуется особым авторским своеобразием – идиостилем писателя. Идиостиль – это совокупность содержательных и формальных языковых характеристик, принадлежащих работам конкретного писателя, которая создаёт уникальный для данных произведений авторский способ языкового выражения [2, с. 129].

Содержательное описание русской самобытности и обращение к жизни народа, неординарная сюжетная линия, невероятная языковая стилизация – всё это является неотъемлемой частью творчества Бориса Акунина, автора серии детективных романов.

Задачей нашего исследования в данной статье является сравнительно-сопоставительный анализ языковой личности Б. Акунина в аспекте «национальное VS. интернациональное» с целью описания «интернационального» сквозь призму интертекстуального диалога.

Несомненно, развитие современных технологий, широкое использование сети Интернет, новый этап экономических и политических международных отношений расширяют условия взаимодействия людей разных национальностей. В связи со сложившейся ситуацией необходимо отметить, что в настоящий момент категория интертекстуальности выходит за рамки лингвистики и приобретает более широкое значение. Это способствует развитию интереса к культуре других народов, изучению языка и литературы, менталитета и культуры.

Интертекстуальность как явление была описана в 3-й четверти XX века – время, когда произведения искусства, литература, музыка приобрели иной характер и стали доступными; развитие средств массовой информации, кино и телевидения способствовали распространению семиотизации в человеческой жизни. Конечно, в основе любого источника информации лежит слово, текст, которые, в свою очередь, несут в себе основную семиотическую нагрузку. По словам Станислава Ежи Леца, «обо всем уже сказано. К счастью, не обо всем подумано» [4, с. 189]. Это утверждение говорит о том, что интертекстуальные связи как способ передачи

«текста в тексте» существовал намного раньше. Почему же именно современная эпоха обнажила интертекстуальность, которая до сих пор вызывает много споров у лингвистов и литературоведов?

В современной литературе понятие интертекстуальных связей понимается как «общая совокупность межтекстовых связей, в состав которых входят не только бессознательная, автоматическая или самодовлеющая игровая цитация, но и направленные, осмысленные, оценочные отсылки к предшествующим текстам и литературным фактам» [5, с. 98]. Это и послужило толчком для развития такого понятия, как «интернациональное».

Говоря непосредственно об интертекстуальности как явлении в русской культуре, отметим, что богатство истории и классической литературы даёт обширное поле для работы. Своего рода «русская интертекстуальность» в основе имеет огромный опыт предшествующих поколений, историческую память народа, загадочную русскую душу.

Анализируя все вышесказанное, заметим, что русский менталитет оказывает большое влияние на литературные сюжеты и слог произведений. В толковом словаре менталитет представляется как «мировосприятие, умонастроение» [2, с. 131].

Иными словами, это понимание целого мира сквозь призму собственного опыта, взглядов, правил поведения и образа мышления не только отдельно взятого народа, но группы людей в целом, живущей на одной территории. Именно здесь уместно говорить о менталитете не только русского, но российского народа, т.к. Россия всегда была и является многонациональной страной. Исходя из этого, мы можем сказать, что «ментальное» проявляется в каждом тексте, написанном на русском языке. Отметим также, что при этом автор может быть абсолютно не русским по национальности, однако важно, чтобы он считал русский язык своим родным языком, т.к. это предопределяет ход мыслей и манеру писателя. Такой пример мы имеем в работах Б. Акунина, грузина по национальности.

Наряду с «ментальным» всегда находится «национальное» – черта, выделяющая автора текста. «Национальное» – характерное для данной нации, свойственное именно ей [Там же, с. 187]. Например, элементы одежды, традиционные блюда, семейный уклад, народное творчество – все то, что наполняет человека с момента рождения. Иными словами, каждый представитель той или иной культуры несет в себе систему ценностей, основанную на ментальном и национальном – принадлежности к своей стране в целом и своей народности в частности. Объединившись, эти два понятия характеризуют русскую языковую личность как автора художественного текста.

Следовательно, русское художественное пространство очень тяготеет к таким явлениям, как интертекстуальность, особенно на современном этапе. Классическая литература, став основой для образования и воспитания нынешнего поколения, даёт базу ценностей, которые понемногу устаревают, что неминуемо влечёт за собой желание создать новое на основе уже сказанного.

Отметим, что в русской интертекстуальности важную роль играет элемент «интернационального» («международный, состоящий из представителей различных народов и наций» [Там же, с. 89]). Это логичная составляющая интертекстуальных вкраплений, основанных на заимствовании текстов мировой литературы. «Интернациональное» расширяет границы и позволяет увидеть мир не только сквозь уже оформившиеся представления о жизни, но глазами другой языковой личности, в нашем случае мы говорим о личности переводчика.

Б. Акунин как высокоинтеллектуальная языковая личность представляет большой интерес именно в плане культуры организации речевого пространства своих произведений, благодаря использованию огромного количества лингвистических оборотов и приемов. Герои его произведений, каждый в отдельности, являются наглядным примером богатства языка автора. Поскольку язык тесно связан с культурой, в произведениях воспроизведена национально-лингвистическая картина мира, а сами герои представляют индивидуально-личностный план, который соотносится уже с субъективным ракурсом данной картины. Причем в той же мере, в какой Б. Акунин создает персонажей с их характерами, внешними данными, речевыми особенностями, и персонажи создают образ автора как языковой личности, которая незримо присутствует в каждом из них благодаря вербализации их мыслей, поступков, а также речевым характеристикам и словарному запасу. Соответственно, перед нами целый лингвистический мир, сотканный по кусочкам, но являющийся неотъемлемой частью авторского Я.

Рассуждая на тему переводческого потенциала в текстах Б. Акунина, мы уделяем особое внимание вопросам ментальности, национальности и способности автора к интернациональному анализу. Немаловажную роль играют интертекстуальные включения в цикле романов о Фандорине. Насколько писатель допускает эти включения в свой текст? И являются ли они осознанными ссылками либо перед нами результат «неумышленного ментального», в котором автор не специально, но всё же использует интертекстуальные элементы? На все эти вопросы необходимо ответить переводчику. В данной точке и встречается «национальное VS. интернациональное». Результат такого взаимодействия зависит от готовности обеих сторон к открытому диалогу. Интернациональное сквозь призму интертекстуального выходит в иную (английскую) лингвокультуру.

Рассмотрим несколько примеров:

«Скажите мне, **Фома Неверующий**, часто ли бывает, что двум совершенно разным людям одновременно снится один и тот же сон?» [1, с. 109]. / «Tell me, **Doubting Thomas**, how often does it happen that two entirely different people have the same dream at the same time» [6, p. 116].

В данном примере мы видим, что переводчик нашёл аналог в языке перевода, полностью соответствующий восприятию англоязычного читателя. Имя Фома в переводе звучит как *Thomas*, иными словами, представленный вариант отражает религиозную картину мира. Благодаря приёму поиска эквивалента мы можем говорить о полном совпадении авторской позиции и работы переводчика.

«Скажите, какой гуманный! – воскликнула она. – Только я не верю в *Амосов* от жандармерии» [1, с. 88]. / «*My, how very humane! – she exclaimed. – But I don't believe in noble musketeers from the gendarmerie*» [6, p. 74].

Отметим, что переводчик осознанно ушел от образа Атоса из произведения А. Дюма «Три мушкетёра», чтобы избежать недопонимания со стороны читателей, и заменил интертекст перифразом – «описательным обозначением объекта на основе выделения какого-либо его качества» [5, с. 184]. Акунин использовал это средство выразительности потому, что в современном мире имя Атос уже носит нарицательный характер, и когда произносят его в адрес человека, мы понимаем, что речь идёт о благородном и честном воине.

«Я всё бросила, предстала пред тобой, как лист перед травой» [1, с. 327]. / «*I dropped everything and here I am, just like magic*» [6, p. 280].

В данном отрывке налицо строчка из сказки, которую узнает каждый ребёнок, в чём и будет проявляться «ментальное русское». В английском, интернациональном, применяется приём обобщения для достижения адекватности перевода.

«Он не сломлен жандармами, он разыгрывает новую роль. Мефистофеля, Ваньки Каина или кем там он себя воображает» [1, с. 154]. / «*He hadn't been broken by the gendarmes, he was working his way into a new role. Mephistopheles, Dick Turpin or whoever he imagined himself to be*» [6, p. 131].

Данный пример весьма интересен с точки зрения перевода и понимания интертекста. Бромфилд использует приём логической синонимии, умело заменяя единицу претекста на её контекстный синоним. В нашем случае речь идёт о некоем Ваньке Каине – знаменитом московском воре и мошеннике; в английской ментальности это Дик Турпин – известный разбойник. Интересно, что оба персонажа жили примерно в одно и то же время, в середине XVIII века. Соответственно, переводчик сумел передать колорит и дух того времени, сохранив контекст и идею автора.

В иноязычной среде перевод становится самостоятельным произведением, иногда оторванным от оригинала в силу особых языковых традиций, литературных норм, понимания читателя, времени и т.д. Поэтому переводчику нужно воссоздать стилистические составляющие исходного текста в рамках авторского единообразия, передавая культурную когнитивность слов. Первостепенная задача переводчика – глубокая передача идейности авторского замысла посредством точно переданных средств выразительности.

Как мы видим, особенности идиостиля Б. Акунина позволяют нам рассуждать о таких понятиях, как «национальное и интернациональное», что особенно ярко проявляется в переводе элементов интертекста с русского на английский язык. На наш взгляд, автор намеренно использовал большое количество интертекстов, чтобы преобразить своё «ментальное». Задача переводчика – рассказать о личности автора представителям другой культуры, поэтому перевод произведения немислим без самого переводчика. Он сопереживает писателю, и только благодаря слиянию двух языковых личностей возможно глубокое понимание текста читателями. Тем не менее на данный момент очевидно, что никакой перевод не способен передать дух языка и индивидуально авторские включения. Возможен адекватный и полноценный перевод отдельно взятых элементов, однако скрытая семантика текста в ментальном аспекте может так и остаться неосвещенной.

Список литературы

1. Акунин Б. Статский советник. М.: Захаров, 2012. 351 с.
2. Гаспаров М. Л. Художественный мир писателя: тезаурус формальный и тезаурус функциональный // Проблемы структурной лингвистики – 84: сб. статей / ИРЯ РАН СССР. М., 1988. С. 126-141.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М., 1978. 2721 с.
4. Лец Станислав Ежи. Непричесанные мысли. М.: Прогресс, 1978. 432 с.
5. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высш. школа, 1999. 400 с.
6. Akunin B. The State Counsellor. An Erast Fandorin Mystery / translated by A. Bromfield. L.: Phoenix, 2008. 300 p.

B. AKUNIN AS A LINGUISTIC PERSONALITY: VERBALIZATION OF THE CORRELATION “NATIONAL VS. INTERNATIONAL”

Rudenko Kristina Vladimirovna
Pyatigorsk State University
hristia@mail.ru

The article considers the complexity and multi-aspect nature of Russian linguistic personality as a representation of mentality by the example of B. Akunin's works. The author examines the correlation “national vs. international” and provides comparative analysis of the means to express “international” by Russian and English inter-text.

Key words and phrases: linguistic personality; inter-text; adequacy; linguistic worldview; individual style; translation technique.